

УДК 94(47+57)«1944/1945»(571.14-21)(093.3)
<https://doi.org/10.20913/1815-3186-2025-4-15-25>

Коллективный дневник школьников г. Болотное (1944–1945 гг.) в контексте теории культурной памяти

А. С. Метельков[✉], В. Е. Яковлева

**Метельков
Антон Сергеевич,**

Государственная
публичная научно-
техническая
библиотека
Сибирского
отделения Российской
академии наук,

ул. Восход, 15, Новосибирск,
630102, Россия,
кандидат исторических наук, научный
сотрудник лаборатории книговедения,
заведующий сектором самиздата
и нетрадиционной печати

ORCID: [0000-0002-6591-110X](https://orcid.org/0000-0002-6591-110X)

SPIN: [6833-2414](https://spiner.ru/6833-2414)

e-mail: metelkov.gpntb@gmail.com

**Яковлева
Валерия Евгеньевна,**

Государственная
публичная научно-
техническая
библиотека
Сибирского
отделения Российской
академии наук,

ул. Восход, 15, Новосибирск,
630102, Россия,
младший научный сотрудник
лаборатории книговедения

ORCID: [0009-0007-2174-4833](https://orcid.org/0009-0007-2174-4833)

SPIN: [8692-3850](https://spiner.ru/8692-3850)

e-mail: valeriyayakovleva4963@ya.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена ее обращенностью к микроистории и истории детства в контексте теории культурной памяти. Применяется соответствующий понятийный аппарат для анализа локального исторического источника, связанного с Западной Сибирью периода Великой Отечественной войны. Авторы предлагают подход к решению проблемы анализа эго-документа в свете «лингвистического поворота», происходящего в области гуманитарных наук. Цель статьи – на материале дневника, который вели школьники г. Болотное (Новосибирская область) в 1944–1945 гг., обозначить проблемные точки прочтения и изучения коллективного эго-документа и продемонстрировать перспективы работы с ним через категории «субъект», «адресат», «группа признания», «идентичность». Основным результатом исследования стало выявление содержащегося «за текстом» Болотнинского дневника рефлексивного слоя: уточнены мотивы авторов и определены избранные ими стратегии конструирования коллективной идентичности. В одном случае это нацеленность на интеграцию класса в более глобальное сообщество «советских людей», в другом – осознание себя как цельной общности, принадлежащей миру детства. Практическая значимость исследования заключается не только в научной разработке конкретного источника по истории повседневности, но и в апробировании методики исследования коллективного дневника, которая в дальнейшем может использоваться при изучении аналогичных документов.

Ключевые слова: Болотнинский дневник, личный дневник, коллективный дневник, субъект повествования, адресат дневника, коллективная идентичность, культурная память, Ян Ассман

Для цитирования: Метельков А. С., Яковлева В. Е. Коллективный дневник школьников г. Болотное (1944–1945 гг.) в контексте теории культурной памяти // Библиосфера. 2025. № 4. С. 15–25. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2025-4-15-25>

Статья поступила в редакцию 07.09.2025
 Получена после доработки 24.10.2025
 Принята для публикации 29.10.2025

Collective Diary of Pupils in Bolotnoye (1944–1945) in Context of Cultural Memory Theory

Anton S. Metelkov[✉], Valeriya E. Yakovleva

Metelkov Anton Sergeevich,
State Public Scientific Technological
Library of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
15 Voskhod St., Novosibirsk,
630102, Russia,
Candidate of Historical Sciences,
Researcher of the Book Science
Laboratory,
Head of the Sector of Samizdat and
Non-Traditional Printing

ORCID: [0000-0002-6591-110X](https://orcid.org/0000-0002-6591-110X)
SPIN: [6833-2414](https://spinerussia.org/6833-2414)
e-mail: metelkov.gpntb@gmail.com

Yakovleva Valeriya Evgenyevna,
State Public Scientific Technological
Library of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
15 Voskhod St., Novosibirsk,
630102, Russia,
Junior Researcher of the Book
Science Laboratory

ORCID: [0009-0007-2174-4833](https://orcid.org/0009-0007-2174-4833)
SPIN: [8692-3850](https://spinerussia.org/8692-3850)
e-mail: valeriyayakovleva4963@ya.ru

Received 07.09.2025
Revised 24.10.2025
Accepted 29.10.2025

Введение

В формировании и осмыслении исторического дискурса с 1970-х гг. важную роль играет «лингвистический поворот», произошедший в гуманитарных науках (Уайт, 2023). При исследовании эго-документов субъективность источника перестает быть препятствием – напротив, анализ языка историописания позволяет более полно раскрыть их источниковедческий потенциал (Зарецкий, 2021; Козлов, 2022; Филатова, 2018; Foolbrook, Rublack, 2010). Наше исследование, опирающееся на фундаментальные работы в области структурной лингвистики (Бенвенист, 1974), философской герменевтики (Рикёр, 2008) и теории культурной памяти (Ассман, 2004), сосредоточено на том, как через текст источника раскрывается субъект повествования.

Обращаясь к проблеме субъекта и его самоидентификации на материале коллективного дневника, который вели учащиеся школы № 2 г. Болотное (Новосибирская область) в 1944–1945 гг., мы уделяем особое внимание

Abstract. The relevance of the article is due to its reference to the microhistory and history of childhood in the context of the theory of cultural memory and the use of an appropriate conceptual framework to analyze a local historical source associated with Western Siberia during the Great Patriotic War. The purpose of the article is based on the material of a diary kept by schoolchildren in Bolotnoye (Novosibirsk region) in 1944–1945, to identify problematic points of reading and studying the collective ego document and demonstrate the prospects of working with it via the categories “subject”, “recipient”, “recognition group”, “identity”. The main result of the research is the manifestation of the reflexive layer contained “behind the text” of Bolotninsky Diary: the authors’ motives are clarified and their chosen strategies for constructing a collective identity are defined. In one case, it is aimed at integrating the class into a more global community of “Soviet people”, in the other one, it is a self-awareness as an integral community belonging to the world of childhood. The practical significance of the research lies not only in the scientific development of a specific source on the history of everyday life, but also in testing the methodology of collective diary research, which can be used later in the study of similar documents.

Keywords: Bolotninsky diary, diary, collective diary, subject of narration, diary recipient, collective identity, cultural memory, Jan Assmann

Citation: Metelkov A. S., Yakovleva V. E. Collective Diary of Pupils in Bolotnoye (1944–1945) in Context of Cultural Memory Theory. *Bibliosphere*. 2025. № 4. P. 15–25. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2025-4-15-25>

использованию его авторами личных местоимений для обозначения своего коллектива. В связи с этим большое значение имеют труды Э. Бенвениста, в которых показана принципиальная разница природы местоимений первого и третьего лица. Согласно его концепции, человек конструируется как субъект благодаря тому, что субъективность уже заложена в структуру языка (Бенвенист, 1974, с. 293–295). Субъективация осуществляется именно в акте речи, но если местоимения первого и второго лица взаимодополняют друг друга в процессе общения, то третье лицо оказывается в стороне и соотносится с объектом, который находится вне речевого акта, оставаясь нерелексивным (Бенвенист, 1974, с. 286–291). Как будет показано ниже, использование первого («мы») или третьего («они») лица для обозначения общности класса в значительной степени проявляет позицию автора текста.

«Я» неизбежно подразумевает «Другого» в философской концепции П. Рикёра. Предел «самости» (ipse) обнаруживается именно перед

«Другим» и в связи с ним – «Другой» на равных участвует в смыслообразовании (Рикёр, 2008, с. 9). Таким образом, можно утверждать, что четкая адресованность текста в значительной степени помогает раскрыться субъекту повествования. Процесс повествования как таковой служит формированию идентичности, которое происходит только во временном измерении: «Я» раскрывается именно через повествование, во время него (Рикёр, 2008, с. 142–144).

Рассматривая в рамках теории культурной памяти механизмы формирования я-идентичности (индивидуальной и личной) и мы-идентичности (коллективной), Я. Ассман выделяет два основных пути интенсификации коллективной идентичности: интеграцию (идентификация сообщества находится в согласии с ассимилирующей его культурой) и дифференциацию (групповое единство строится по принципу отмежевания от доминирующей культуры) (Ассман, 2004, с. 138–173). Оба типа интенсификации встречаются в Болотнинском дневнике.

Советской субъективности, изучаемой через призму эго-документов, посвящены обстоятельные работы Й. Хелльбека (2021), И. Халфина (2023) и ряда других исследователей (Healey, 2020; Turton, 2020), в которых советский человек, как правило, рассматривается как конструкт, возникший в результате субъективирующих государственных практик. Такая точка зрения представляется небезосновательной, но далеко не исчерпывающей. На ее критику направлена, в частности, статья П. М. Поляна: он видит в этом подходе значительные противоречия между концептуальной рамкой и эмпирическим материалом (Полян, 2021, с. 209–212). Как бы то ни было, в свете нашего исследования отправная точка рассуждений Й. Хелльбека – «что означало написать Я в эпоху большого Мы» (Хелльбек, 2021, с. 13) – представляет безусловный интерес: на страницах коллективного дневника авторское «я» стремится раствориться в «мы», однако через косвенные признаки обнаруживает себя.

Детский коллективный дневник как особый вид издательской активности обладает своими особенностями. Подростки имеют склонность обмениваться даже личными дневниками (Савкина, 2023, с. 15), коллективный же дневник изначально создается как площадка для публичного высказывания. Его отличие от других периодических изданий (как официальных, так и неофициальных) в том, что каждый выпуск традиционной периодики в момент публикации имеет законченную композицию, а коллективный дневник представляет собой «продолжающийся», постоянно дополняющийся текст с открытой концовкой. Способы его «публикации» также отличаются от привычных: это может быть чтение перед широкой аудиторией (Лукашевич, 1923,

с. 75–76), курсирование в небольшом кругу соавторов (Matsui, 2002) или даже адресация конкретному собеседнику в форме письма (Детская..., 2017, с. 504–506).

Зависимость субъекта повествования от предполагаемой аудитории, возникающие при этом варианты его конструирования и «разыгрывания» идентичности убедительно демонстрирует на примере советских дневников И. Л. Савкина (2019). Проблема самоидентификации субъекта в эго-документах затрагивается и в ряде других исследований последних лет (Романова, 2024; Сапогова, 2005; Токарев, 2023; Zadirko, 2025). М. Б. Ямпольский в контексте философской антропологии рассматривает субъект лирического высказывания (я/мы/они) (Ямпольский, 2025). Отдельного внимания заслуживают дневники, ведущиеся от третьего лица. Они встречаются значительно реже обычных, но также представляют собой вполне устойчивый жанр (Савкина, 2007, с. 64, 136, 262, 281; Хелльбек, 2021, с. 341, 361). Как правило, такой жест (так называемый иллизм) говорит о попытке автора отделить фигуру рассказчика от фигуры активного участника событий (Smith, Watson, 2001, p. 185). Подобный прием используется и в исследуемом нами Болотнинском дневнике.

Дневник учащихся школы № 2 г. Болотное (1944–1945 гг.): история возникновения

Основная часть событий, описываемых в дневнике, происходит во время Великой Отечественной войны в городе Болотное – центре Болотнинского района Новосибирской области. Городской статус Болотное получило лишь незадолго до этого, в 1943 г. Как крупный остановочный пункт Транссибирской магистрали, г. Болотное имел стратегическое значение для переброски на фронт войск, техники и продовольствия, для обеспечения процессов перемещения раненых и эвакуации, для обслуживания военно-санитарных поездов. В начале войны население Болотного приросло за счет эвакуированных, а в переломный 1943 г. – за счет спецпереселенцев. Многие из них пополнили ученический и учительский состав болотнинских школ. По данным 1942 г. в Болотном было три начальных и две средних школы¹. Учащиеся средней школы могли окончить десять классов и получить право преимущественного поступления в высшие учебные заведения. Средняя школа № 21 являлась железнодорожной, и в ней учились дети железнодорожников. Все остальные дети получали среднее образование в школе № 2.

¹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 76. Л. 11, 12 об.

В 1942 г. в ней действовало семнадцать 5–7-х классов и пять 8–10-х классов², обучение после седьмого класса было платным.

Создание Болотнинского дневника инициировала учительница физики школы № 2 Л. К. Ларионова, предложив своему классу делать подневные записи о школьной жизни. Ведение дневника было поручено Тамаре Колотовкиной, оформление – Володе Королёву и Эдгару Риделю. Они фиксировали будни восьмого класса с 18 января по 31 мая 1944 г. Затем работу над дневником продолжила ученица седьмого класса той же школы Мария Рогалис. Ее записи датируются 14 декабря 1944 – 14 июня 1945 г. Остается невыясненным, кто занимался визуальным оформлением второй части дневника и как он попал от одного класса к другому, но очевидно, что ведение дневника продолжилось в том же формате (регулярные датированные записи, начинающиеся с рисованных букв-виц). Между записями восьмого и седьмого классов вырезано несколько страниц – запись от 31 мая 1944 г. обрывается, а записи от 14 декабря 1944 г. предшествует фрагмент с неизвестной датировкой. Когда и по какой причине страницы были утрачены, неизвестно (рис. 1).

Авторские коллективы первой и второй частей дневника не обозначены в самом документе – их участников мы можем установить лишь опосредованно. Выводы об авторстве Колотовкиной, Королёва и Риделя сделаны на основе рабочих записей первой исследовательницы дневника, сотрудницы Болотнинского районного историко-краеведческого музея Т. Н. Хомченко³, и письма Риделя к ней⁴; авторство Рогалис установлено нами по косвенному упоминанию в тексте дневника⁵. В случаях, когда Колотовкиной и Рогалис было необходимо назвать в тексте самих себя, они прибегали к третьему лицу, обозначая себя, как и одноклассников, по имени и фамилии.

Первая запись в дневнике, датированная 18 января 1944 г. и украшенная буквицей «С» на фоне заснеженных елей, открывается словами: «Сегодня – необыкновенный день для нашего класса. Именно с этого дня наш класс и начинает вести дневник. Сегодня мы получаем переходящее Красное Знамя»⁶. Такое

² Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 76. Л. 11.

³ Болотнинский районный историко-краеведческий музей. Папка «Болотнинский дневник и исследовательские материалы к нему». Рабочие записи Т. Н. Хомченко.

⁴ Болотнинский районный историко-краеведческий музей. Папка «Болотнинский дневник и исследовательские материалы к нему». Письмо Э. И. Риделя к Т. Н. Хомченко от 25 мая 1999 г.

⁵ Болотнинский районный историко-краеведческий музей. Дневник класса военной поры. Основной фонд. Инв. № 2060, 1944–1945 годы. Запись 12 мая 1945 года.

⁶ Там же. Запись 18 января 1944 года.

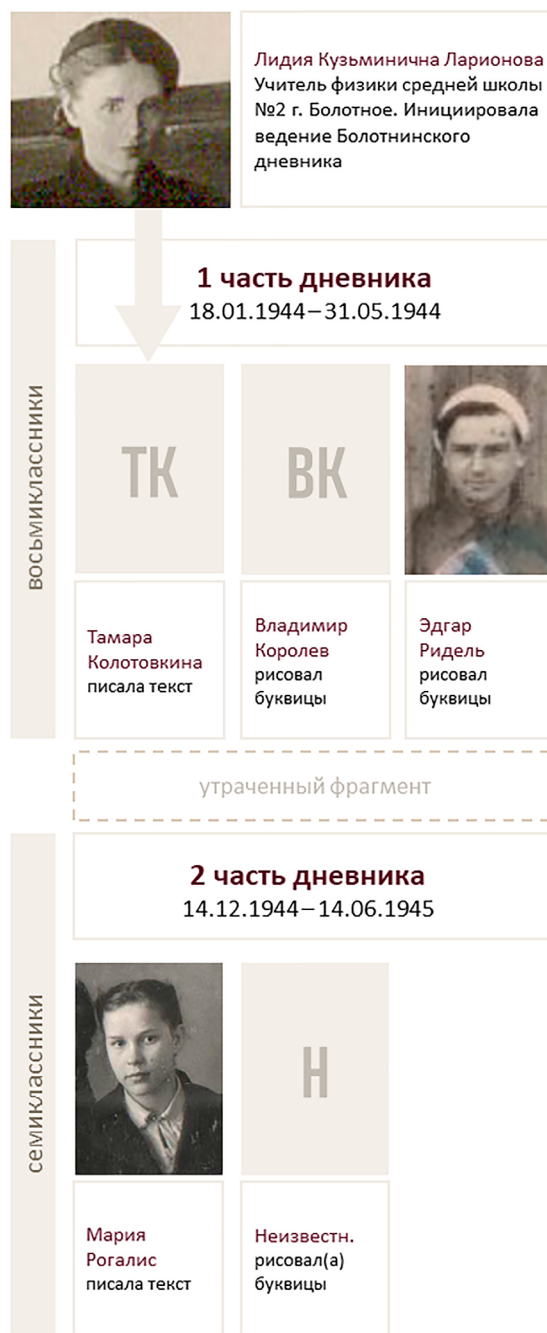

Рис. 1. Авторы Болотнинского дневника
Fig. 1. Authors of Bolotninsky diary

вступление наследует традицию зачина (текста-напутствия), характерную для рукописных альбомов (Головин, Лурье, 1998, с. 275). Зачин настраивает читателя на предстоящий процесс чтения, фиксирует «легенду» документа – основания и обстоятельства его появления. В нашем случае поводом для создания дневника становится описанное в зачине получение знамени. Это обстоятельство наряду с тем, что дневник поручили вести не рядовому ученику, а отличнице, позволяет предположить, что он задумывался как летопись образцового класса. При такой концепции Болотнинский дневник

вписывается в рамки проекта «нормативного» дневника советского человека в интерпретации Й. Хелльбека (2021, с. 64–67, 82–83).

Не только начало – вся запись от 18 января торжественна, декларативна и посвящена особому положению, в котором оказались восьмиклассники, получившие высокий знак отличия. На линейке директор школы призывает «учиться так успешно, как бьют врага наши воины»⁷. Параллель «воин – ученик» еще не раз прозвучит в дневнике⁸. С одной стороны, она отражает сближение статусов взрослого и ребенка в кризисные периоды истории, с другой – утверждает гражданские обязательства советского школьника.

Заявления о принятии тех или иных обязательств часто носили публичный характер: болотнинские восьмиклассники, получив знамя, обязуются удержать его и добиться стопроцентной успеваемости⁹. Чуть более чем через месяц, 26 февраля, они передадут знамя десятиклассникам, снова сделав публичное заявление: «Передавая знамя, Громова Александра сказала, что это знамя наш класс к концу третьей четверти отберет назад»¹⁰ (рис. 2).

Советскому дневнику как инструменту само совершенствования и повышения осознанности гражданина было свойственно содержать обещания себе и обществу (Хелльбек, 2021, с. 65, 74–75). В нашем случае их наличие обусловлено не только принадлежностью советскому времени, но и генезисом самого жанра (Метельков, Яковлева, 2025). Будучи коллективным, Болотнинский дневник заведомо берет на себя функцию публичной площадки, где предаются огласке намерения его авторов-«героев». Зафиксированный в дневнике самоотчет о выполнении обещаний выступает эквивалентом процедуры общественного контроля за исполнением социалистических обязательств. Кроме того, сама предопределенность драматургии дневникового письма, его последовательность и относительно строгая хронологичность способны побуждать или даже вынуждать автора так или иначе откликнуться на написанное ранее. Так, потеря знамени оборачивается обещанием его вернуть – но история распорядится иначе. Несмотря на то что вместе со знаменем теряется и формальное основание для ведения дневника, работа над ним продолжится.

Тематический спектр записей Болотнинского дневника

Первая и вторая части Болотнинского дневника схожи форматом дневниковой записи и способом ее оформления, но существенно различаются тематически и стилистически. Преобладающие темы первой части – учеба и общественно-политическая жизнь класса, второй – происшествия, события и учеба (рис. 3). При этом даже записи одной тематики в разных частях дневника различны с точки зрения стилистики и отношения к описываемым событиям (табл.).

Спектр тем, избранных для запечатления, их взаимное соотношение внутри каждой из частей дневника, а также стили письма позволяют вообразить адресатов этих дневниковых текстов. Первый текст в большей степени ориентирован на контролирующего взрослого, общество, учителя¹¹. Это проявляется в практически полном отсутствии оценочных суждений: школьные отметки могут быть охарактеризованы в дневнике как «плохие»¹², но мнение восьмиклассников по другим вопросам в тексте не раскрывается. Ориентированность текста на стороннее мнение прослеживается даже в редких записях, отнесенных нами к тематике творчества, – там, где искренняя эмоция наиболее вероятна. Так, после недельной подготовки утренника для первоклассников (сооружение кукольного театра, создание декораций, изготовление персонажей) в дневнике появилась только скупая запись с формулой должностования: «Первоклассники были очень довольны утренником. Наш класс решил дальше продолжать шефство...»¹³. Для первой части дневника в целом характерен официально-деловой стиль письма, сближающий его с отчетными документами, – он повторил путь советских

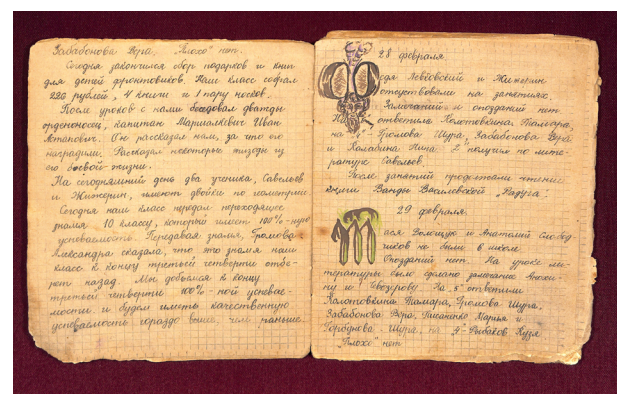

Рис. 2. Разворот Болотнинского дневника
Fig. 2. The Bolotninsky diary's spread

⁷ Болотнинский районный историко-краеведческий музей. Дневник класса военной поры. Основной фонд. Инв. № 2060, 1944–1945 годы. Запись 18 января 1944 года.

⁸ Там же. Записи 14 февраля и 16 марта 1944 года.

⁹ Там же. Записи 18 января и 5 февраля 1944 года.

¹⁰ Там же. Запись 26 февраля 1944 года.

¹¹ Там же. Запись 21 января 1944 года.

¹² Там же. Записи 5 и 19 февраля, 17, 23 и 29 мая 1944 года.

¹³ Там же. Запись 28 марта 1944 года.

Таблица. Примеры записей одной тематики в первой и второй частях Болотнинского дневника¹⁴

Table. Examples of entries on the same topic in the first and second parts of the Bolotninsky diary

Тематика записи	1-я часть (18.01.1944 – 31.05.1944)	2-я часть (14.12.1944 – 14.06.1945)
Учеба	Итак, испытания начались. Ребята собираются в школу. Они все одеты по-праздничному, возбуждены. Ассистент по физике – Михаил Дмитриевич Костромин. Один за другим ученики подходят к столу, берут билеты. Они обдумывают каждый вопрос. Спокойно отвечают на все вопросы в билете, решают задачи. Ребята хорошо подготовились к испытаниям по физике. Поэтому все ответили на положительные оценки (20.05.1944)	На уроке зоологии мы сегодня изучали тему «Птицы». И Богданов принёс живую птичку, по которой мы изучили наглядно наружное строение птицы (15.01.1945) По русскому языку сегодня писали контрольный диктант, который мы уже раньше писали, но виду не подавали, что помним этот диктант, и заново писали (16.03.1945)
Общественно-политическая жизнь	После уроков класс остался. Ввиду того, что Колотовкина не подготовила доклад, Савельев сделал доклад о 1 мая. Савельев рассказал о возникновении праздника, о праздновании советских людей в мирное и военное время Первомайского праздника. За невыполнение задания Колотовкиной Тамаре будет снижена за IV четверть дисциплина (29.04.1944)	После четвёртого урока Рогалис производила сбор денег на цветы для украшения класса. В три часа собрались убирать класс к 1 мая. Мальчики отправились в бор за ветками сосен, а девочки должны были работать в классе. <...> Были вытерты окна, паннели, парты; подбелены печи и углы, подвешены на окна гирлянды из веток сосен, а на них прикреплены купленные цветочки и флажки; вымыт пол. И класс, в результате этого, приобрёл праздничный вид (25.04.1945)
Спортивная подготовка	Вот уже несколько дней, как все ребята нашей школы делают ежедневно зарядку на свежем воздухе. Утренняя зарядка перед занятиями освежает учеников. Поэтому мы чувствуем себя на уроках бодрее (15.03.1944)	Зарядки ввиду мороза сегодня не было, чему, конечно, были все рады (14.12.1944)
Развлечения	В 8 часов начался вечер [старших классов]. <...> была поставлена пьеса драм-кружком «Двадцать лет спустя». В ней рассказывается о творческой работе комсомольцев в 1919 году, о подполье, в городе, который был занят белогвардейцами. После художественной части были игры и танцы (30.04.1944)	После всего этого [уборки, заготовки дров] были танцы под патефон. Девочки танцевали, а мальчики устроили игру в чехарду. Всё время, пока девочки танцевали, они ездили друг на друге. В 9 ³⁰ вечера все разошлись (21.01.1945)

Примечание. Авторские орфография и пунктуация сохранены.

производственных дневников, на практике редуцировавшихся до «журналов учета» (Хелльбек, 2021, с. 68). Второй дневниковый текст ориентирован не только на фигуру учителя, но и на сообщество, самих героев повествования – семиклассников¹⁵. Для этой части характерны суждения о событиях («...сегодня Гладков, как Святогор, не знает, куда применить свою силу») и использование сленга («парашютики», «сдуть с книги»,

«на шухаре»). Большое внимание уделено проявлениям подростковой субкультуры: эмоционально, с употреблением авторской лексики («разогревание дракой», «образование свалки [на полу]») описаны развлечения, игры и проказы¹⁶; встречаются элементы локального фольклора – прозвища («Министр», «Гигиена», «знаменитая физичка», «наши ученые») и шутки.

¹⁴ Болотнинский районный историко-краеведческий музей. Дневник класса военной поры. Основной фонд. Инв. № 2060, 1944–1945 годы.

¹⁵ Там же. Запись 28 февраля 1945 года.

¹⁶ Там же. Записи 14, 18 и 24 декабря 1944 года, 8 и 23 февраля, 5, 13 и 23 марта, 10 и 12 апреля, 9 мая 1945 года.

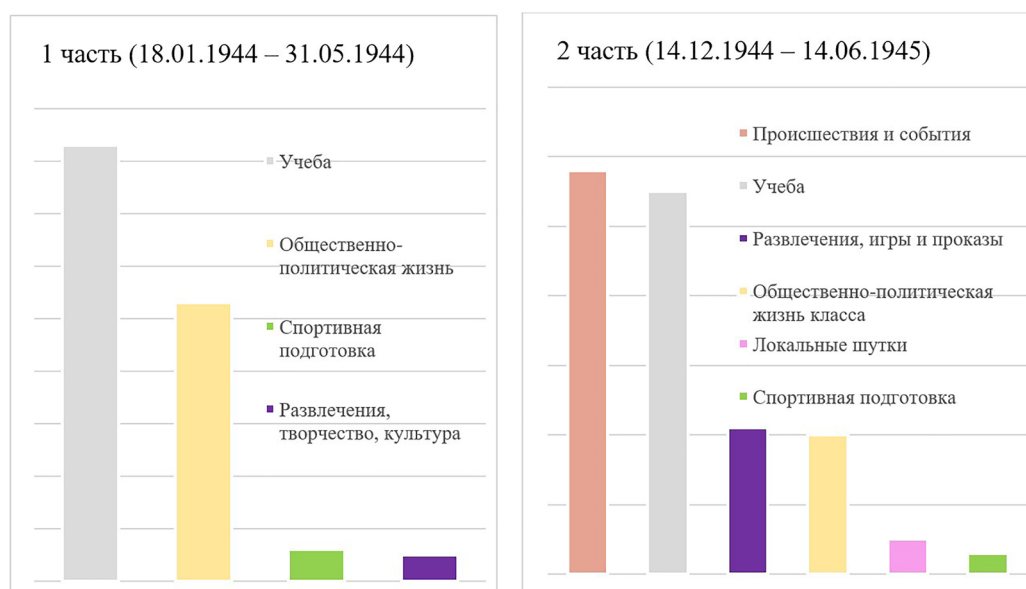

Рис. 3. Соотношение записей разной тематики в первой и второй частях Болотнинского дневника
 Fig. 3. The ratio of entries on different topics in the first and second parts of Bolotninsky diary

Субъект и адресат повествования в Болотнинском дневнике

Показательно, какие слова используют авторы дневника в разных ситуациях для обозначения своего класса. Один способ – применение местоимения «мы» и его контекстных синонимов («наши ученики», «наш класс», «все») – употребляется при описании совместных действий: чтения после уроков, игр, проказ. Другой способ («все ученики», «ребята», «учащиеся») относится к ситуациям, предполагающим оценку со стороны взрослых: посещаемость, успеваемость, дисциплина. Такой прием называния можно свести к местоимению «они», использование которого свидетельствует об отстраненности автора и его попытке встать на позицию учителя. В первом дневниковом тексте преобладает обозначение класса условным «они», транслируется «официальная хроника»: «Были в классе все ученики»¹⁷; «Сегодня особенно хорошо ребята отвечали на уроке истории»¹⁸. Во втором дневниковом тексте класс чаще называется через «мы»: «О чём они говорили мы не знаем, только когда мы вошли в класс, мы увидели его заплаканного. Он ничего не сказал. Но мы предполагаем, что его исключили из школы»¹⁹. В этом случае пишется коллективная история, заведомо общая («мы») или составленная из множества частных: «...происходило обсуждение, что бывает, когда наши

ребята злые. Выяснилось, что, когда злится Нина Квитко, бывает плохо всему съестному. В это же время произошла драка между Катей Верещак и Гладковым...»²⁰.

Таким образом, хотя формально дневник ведется от лица класса, корректно говорить о двух проявляющихся в нем вариантах субъекта повествования. В случае использования «мы» для обозначения коллектива субъект повествования отождествляется с классом – характерно описание утайки провинившихся в одной из записей второй части²¹. Применяя «они», рассказчик позиционирует себя за пределами класса и занимает место стороннего наблюдателя – взрослого. Ярким проявлением этого противоречия становится исправление «они» на «мы» в записи о зарядке из первой части дневника (см. табл.). Тяготение авторов к той или иной стратегии письма обусловлено тем, как они понимали формат и назначение коллективного дневника.

Вне зависимости от избранной автором позиции, коллективный дневник становится специфическим коммуникативным пространством, местом отчасти реального, отчасти воображаемого диалога его автора со своими одноклассниками. Аналогично тому, как, например, родственная жанровая форма (девичий альбом) способствует гендерной социализации девочек-подростков (Горовая, 2022, с. 536), коллективный дневник указывает на то, в поле какого более крупного сообщества коллектив себя уже осознает и реализует, а иногда стремится зарекомендовать и в таком случае проходит своего рода инициацию.

¹⁷ Болотнинский районный историко-краеведческий музей. Дневник класса военной поры. Основной фонд. Инв. № 2060, 1944–1945 годы. Запись 18 апреля 1944 года.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Запись 22 декабря 1944 года.

²⁰ Там же. Запись 16 декабря 1944 года.

²¹ Там же. Запись 24 декабря 1944 года.

«Воображаемая» коллективная идентичность в первой части дневника (8-й класс) базируется на отождествлении с новыми советскими людьми, персонажи показаны здесь «маленькими взрослыми». Во второй части (7-й класс) герои скорее причисляют себя к миру детей, представляя более ребячливыми и независимыми в суждениях, отстаивая свое право на детство. При этом ориентация на то или иное «воображаемое» сообщество скорее выражает предпочтения автора дневника, а не всего коллектива, от лица которого ведется речь (рис. 4).

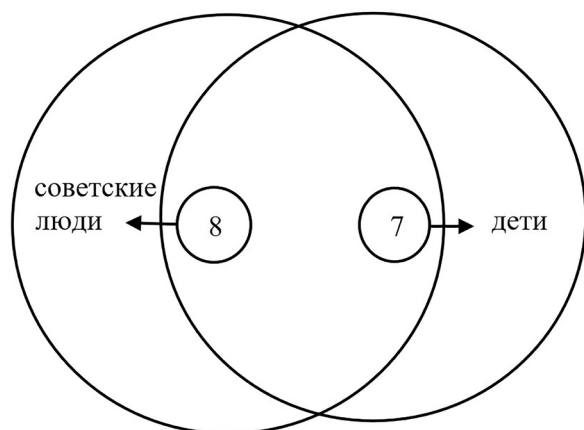

Рис. 4. Коллективная идентичность, формируемая авторами Болотнинского дневника (8-й и 7-й класс)

Fig. 4. Collective identification formed by the authors of the Bolotninsky diary (grades 8 and 7)

Вместе с тем позиционирование автора и, как следствие, транслируемая им идентичность в значительной степени зависит от адресата. Если в личных дневниках адресат, как правило, является косвенным, сконструированным или вымышленным (Савкина, 2019, с. 151–155), то в ситуации коллективного дневника он выглядит вполне реальным – в нашем случае это в первую очередь сам класс и, возможно, его близкое окружение. На основании текста дневника можно сделать выводы, что семиклассники передавали его друг другу для чтения²². Про восьмиклассников такой информации нет, но по стилю письма, а также по пометкам и исправлениям в тексте, сделанным, вероятнее всего, взрослыми, можно предположить, что дневник также читал учитель.

И. Л. Савкина, опираясь на работы П. Рикёра и С. Смит, вводит понятие «группа признания» для обозначения адресата дневникового нарратива, с чьей гипотетической оценкой автор соотносит свое повествование (Савкина, 2019, с. 155–157). Для Колотовкиной, которая вела первую

часть дневника, такой «группой признания» становятся не только и не столько одноклассники, сколько значимые взрослые, в первую очередь учителя. В связи с этим и форма, которую приобретает ее текст, близка к протокольной, отчетной, «официальной». «Виртуальное “мы”», к которому апеллирует Колотовкина, – это идеализированное сообщество советских людей.

Рогалис воспринимает дневник как литературное произведение, которое находит читателей в лице школьных товарищей. В отличие от первой части дневника, здесь они становятся действительно значимой «группой признания». Примеряя на себя роль писателя, вступающего в диалог со своей аудиторией, Рогалис использует широкую палитру художественных средств, и ее текст имеет более доверительную, свободную и легкую форму. Можно утверждать, что в случае Рогалис возникает еще одно «воображаемое» сообщество, куда она включает и себя, – сообщество русских литераторов, с которыми она разговаривает на одном языке, продолжая их традиции и «разыгрывая» соответствующую идентичность (Савкина, 2019, с. 155–157).

Болотнинский дневник в контексте теории культурной памяти Яна и Алейды Ассманов

По прошествии 80 лет с момента создания Болотнинского дневника – после смены нескольких поколений, так или иначе причастных к описанным в нем реалиям, – мы наблюдаем переход дневника из регистра коммуникативной памяти в регистр памяти культурной (Ассман, 2004, с. 52–59). В связи с этим особый интерес представляет взгляд на дневник через призму теории культурной памяти Я. и А. Ассманов.

Если рассматривать Болотнинский дневник как элемент «коннективной структуры», существующей в условиях «растяженной ситуации», очевидно, что он задает специфическую идентичность его авторам, а также потенциальным читателям из ближнего круга (Ассман, 2004, с. 15–16, 21–22). Для носителей коллективной памяти характерно соотнесение себя с определенными группами и их характеристиками (Ассман, 2004, с. 40–42). Идентичность, формируемая в первой и второй частях дневника, заметно отличается. В первом случае она складывается по интегрирующему типу (Ассман, 2004, с. 155–163): сообщество класса методично встраивается в более широкое, доминантное сообщество советских граждан. Во втором мы имеем дело скорее с дифференцирующим типом выстраивания идентичности (Ассман, 2004, с. 163–173): хотя изображаемое сообщество и существует в рамках, навязанных взрослой действительностью, оно планомерно отталкивается от них, укрепляя свою собственную реальность. Таким

²² Болотнинский районный историко-краеведческий музей. Дневник класса военной поры. Основной фонд. Инв. № 2060, 1944–1945 годы. Запись 12 мая 1945 года.

образом, на страницах дневника, при его переходе от одного класса к другому, мы наблюдаем превращение «интегрирующей» идентичности в «дифференцирующую», представляющее собой защитную реакцию культурной системы (Ассман, 2004, с. 196). Если в первой части принципом, создающим и стабилизирующим коллективную идентичность, выступает советский канон, то во второй – дифференциация от него (Ассман, 2004, с. 135–138). Конечно, канон второй части дневника ни в коем случае нельзя назвать в общепринятом смысле антисоветским – скорее, можно говорить о дифференцирующей ориентации Рогалис на классику русской литературы XIX в. в противовес «соцреалистическим» образцам Колотовкиной.

Формирование коллективной идентичности («мы-идентичности») (Ассман, 2004, с. 139–140) – явно или неявно – имелось в виду авторами дневника. Рефлексия по поводу идентичности коллектива, являющейся продуктом «социального воображения», инициируется самим фактом начала ведения дневника (Ассман, 2004, с. 143–144). Формально в первой части эта задача оказывается нереализованной: вместо «мы» у Колотовкиной регулярно проскальзывает «они». Стратегию «летописца» здесь можно охарактеризовать как ритуализирующую – осуществляющую перенос живых воспоминаний в культурную память с эффектом отчуждения и «охлаждения» (Ассман, 2024, с. 83). Во второй части, которую вела Рогалис, интенсификация коллективной идентичности (Ассман, 2004, с. 142–145) организована не столь прямолинейно. Культурная формация, воспроизводящая культурную идентичность, запечатлена в приметах общего быта и досуга, локальных шутках, играх и других знаках, кодирующих общность, в циркуляции общего смысла, закрепляющего «чувство общности» (Ассман, 2004, с. 149–153). Текст Рогалис насыщен примерами такого рода. В результате во второй части дневника мы действительно видим создание сложно устроенной «мы-идентичности» школьников.

Известно, что именно класс Рогалис (выпуск 1948 г.) впоследствии инициировал традицию проведения встреч выпускников под названием «Друзья встречаются вновь»²³. Но и класс Колотовкиной (выпуск 1946 г.) на протяжении многих лет также демонстрировал сплоченность и устойчивость «мы-идентичности» (Ассман, 2004, с. 141–142): велась переписка между учениками и классной руководительницей, проходили встречи выпускников²⁴.

²³ Музей средней общеобразовательной школы № 2 г. Болотного. Рукописный альбом «Болотнинская средняя школа № 2 Новосибирской области. Л. 26.

²⁴ Хомченко Т. Н. Она – учитель от бога // Наши новости. 2000. 9 марта. С. 3.

Заключение

В настоящее время существуют различные подходы к прочтению и анализу эго-документов. Так, Болотнинский дневник может рассматриваться как часть глобального исторического нарратива: на его страницах представлена панорама школьных будней в тыловом сибирском городе в период Великой Отечественной войны. Биографический подход подразумевает ценность дневникового текста как свидетельства жизни отдельного человека или группы людей. В случае коллективного дневника – по сравнению с личным – картина усложняется. Его реальные авторы (названные или, как в Болотнинском дневнике, сохраняющие анонимность) оказываются в противоречивой ситуации вынужденного «говорения» от лица сообщества, не имея при этом возможности в полной мере отстраниться от собственной позиции. Авторский голос неизбежно проступает через сконструированный коллективный текст, а собирательное «мы» распадается на множество индивидуальных историй.

Однако сложности, возникающие при обращении к такому произведению, в то же время открывают для исследователя новые возможности, которые находятся именно в «проблемных» точках. Анализ документа через такие категории, как «субъект», «адресат», «группа признания», «идентичность», позволяет сместить акцент с событийного плана повествования в рефлексивную плоскость и обратить внимание на взгляды авторов дневника как по поводу окружающей действительности, так и в отношении собственной и групповой идентичности. При этом возникает более глубокое понимание мотивов и идеалов авторов, проявляется не только их непосредственное влияние на образ класса, но и опосредованное – на класс как таковой. Довольно популярным при исследовании личных дневников является сравнение их с зеркалом. В случае с коллективным дневником этот подход оказывается в еще большей степени действенным: одноклассники автора видят свое отражение в дневнике, что побуждает их к той или иной ответной реакции.

На страницах Болотнинского дневника читателю предстают две очень разные стратегии конструирования коллективной идентичности и культурной памяти, находящиеся в прямой зависимости как от личной идентичности рассказчика, так и от аудитории, на которую он ориентируется. Это позволяет увидеть детский мир не как некую гомогенную систему, а как сложно устроенное поле пересечения многочисленных устремлений, желаний, действий и помыслов.

Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.» № 122041100088-9

Благодарности

Авторы благодарят А. К. Голованову за лингвистическую экспертизу Болотнинского дневника методами *digital studies* и помощь в поиске англоязычных источников.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The author's has read and approved the final manuscript.

Вклад авторов

А. С. Метельков: вводная часть и разработка теоретических предпосылок исследования, анализ дневника через категории субъекта и адресата, анализ дневника в контексте теории культурной памяти, разработка выводов.

В. Е. Яковлева: история возникновения и тематический анализ записей Болотнинского

дневника, анализ дневника через категории субъекта и адресата, разработка выводов, подготовка иллюстраций.

Author's contribution

A. S. Metelkov: the introductory part and the development of the theoretical prerequisites of the research, the analysis of the diary through the categories of subject and addressee, the analysis of the diary in the context of the theory of cultural memory, the development of conclusions.

V. E. Yakovleva: the history of the origin and thematic analysis of the Bolotninsky diary entries, the analysis of the diary through the categories of subject and addressee, the development of conclusions, the preparation of illustrations.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest related to this article.

Список источников / References

- Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва : Языки славян. культуры, 2004. 368 с. [Assman Ya (2004) Cultural memory. Writing, memory of the past, and political identity in high cultures of antiquity. Moscow: Yazyki slavyan. kul'tury. (In Russ.)].
- Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. Москва : Новое лит. обозрение, 2024. 232 с. [Assman A (2024) New discontent with memorial culture. Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russ.)].
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва : Прогресс, 1974. 448 с. [Benveniste E (1974) General linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Головин В. В., Лурье В. Ф. Девичий альбом XX века // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. Москва, 1998. С. 269–362 [Golovin VV and Lur'e VF (1998) A girl's album of the 20th century. *Russkii shkol'nyi fol'klor. Ot «vyzyvaniy» Pikovoi damy do semeinykh rasskazov.* Moscow, pp. 269–362. (In Russ.)].
- Горова Я. О. Типы адресатов в жанровой структуре девичьего альбома // Филология, иностранные языки и медиакommunikatsii : материалы симп. в рамках XVII (XLIX) Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Кемерово, 1–30 апр. 2022 г. Кемерово, 2022. Вып. 23. С. 534–537 [Gorovaya YaO (2022) Types of addressees in the genre structure of a girl's album. *Filologiya, inostrannye yazyki i mediakommunikatsii: materialy simp. v ramkakh XVII (XLIX) Mezhdunar. nauch. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Kemerovo, 1–30 apr. 2022 g.* Kemerovo, iss. 23, pp. 534–537. (In Russ.)].
- Детская книга войны. Дневники 1941–1945 гг. / ред. Т. Кузнецова. Москва : Аргументы и факты : АйФ. Доброе сердце, 2017. 528 с. [Kuznetsova T (ed.) (2017) The children's book of war. Diaries from 1941–1945. Moscow: Argumenty i fakty, AiF. Dobroe serdtse. (In Russ.)].
- Метельков А. С., Яковлева В. Е. Болотнинский дневник в свете антиальбомных кампаний конца 1920-х – начала 1940-х гг. // Труды ГПНТБ СО РАН. 2025. № 3. С. 18–27 [Metelkov AS and Yakovleva VE (2025) Bolotninsky diary in light of the anti-album campaigns of the late 1920s – early 1940s. *Trudy GPNTB SO RAN* 3: 18–27. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2025-3-18-27>
- Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас. 2021. № 3. С. 184–199 [Zaretskii YuP (2021) Ego-documents of the Soviet era: terms, historiography, methodology. *Neprikosnovennyyi zapas* 3: 184–199. (In Russ.)].
- Козлов С. В. Эго-документы в структуре исторической памяти // Библиосфера. 2022. № 4. С. 5–11 [Kozlov SV (2022) Ego-documents in the structure of historical memory. *Bibliosfera* 4: 5–11. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-4-5-11>
- Лукашевич В. Молодая республика. (Быт и психология учащихся и школьная летопись 1921–22 года). Москва : Земля и фабрика, 1923. 223 с. [Lukashevich V (1923) The young Republic. (The daily life and

- psychology of students and the school chronicle of 1921–22). Moscow: Zemlya i fabrika. (In Russ.).
- Полян П. М. Синдром Пимена, или Зов истории. О дневниках военных лет // Неприкосновенный запас. 2021. № 3. С. 200–216 [Polyan PM (2021) Pimen syndrome, or The call of history. About the diaries of the war years. *Neprikosnovennyi zapas* 3: 200–216. (In Russ.)].
- Рикёр П. Я-сам как другой. Москва : Изд-во гуманитар. лит., 2008. 416 с. [Ricoeur P (2008) *Oneself as Another*. Moscow: Izd-vo gumanitar. lit. (In Russ.)].
- Романова Л. Н. Проблемы самоидентификации А. И. Софронова-Алампа в автобиографическом нарративе // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 4. С. 257–272 [Romanova LN (2024) A. I. Sofronov-Alampa's self-identification problems in an autobiographical narrative. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* 4: 257–272. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVGV.2024.49.4.020>
- Савкина И. Л. «Если радость на всех одна...», или Автопортрет поколения в юности // «Хочется жить во всю силу...»: дневники подростков оттепели. Санкт-Петербург, 2023. С. 7–27 [Savkina IL (2023) “If there is one joy for everyone...”, or A self-portrait of a generation in its youth. “*Khochetsya zhit' vo vsyu silu...*”: *dnevniki podrostkov ottepli*. Saint Petersburg, pp. 7–27. (In Russ.)].
- Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и зазеркалем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Москва : Новое лит. обозрение, 2007. 416 с. [Savkina IL (2007) *Conversations with a Mirror and through the Looking Glass: women's auto-documentary texts in Russian literature of the first half of the 19th century*. Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russ.)].
- Савкина И. Л. Я, ТЫ, МЫ: о некоторых формах адресованности в дневниках обычных советских людей // *AutobiographiYa*. 2019. № 8. С. 149–175 [Savkina IL (2019) You, We and I: addressivity in the diaries of ordinary Soviet citizens. *AutobiographiYa* 8: 149–175. (In Russ.)].
- Сапогова Е. Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // *Культурно-историческая психология*. 2005. Т. 1, № 2. С. 63–74 [Sapogova EE (2005) *Autobiographical narrative in the context of cultural and historical psychology*. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* 1 (2): 63–74. (In Russ.)].
- Токарев Г. В. Идентификационные тактики С. А. Толстой в ее дневнике за 1862–1910 годы // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2023. № 4. С. 74–78 [Tokarev GV (2023) Identification tactics of Sophia Tolstaya in her diary for 1862–1910. *Vestnik Moskovskogo informatsionno-tekhnologicheskogo universiteta – Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta* 4: 74–78. (In Russ.)].
- Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2023. 528 с. [White H (2023) *Metahistory. The historical imagination in nineteenth-century Europe*. Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi. (In Russ.)].
- Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. Москва, 2018. С. 24–40 [Filatova NM (2018) Approaches to the study of ego documents in modern historical science in light of the “linguistic turn”. *Dokument i “dokumental'noe” v slavyanskikh kul'turakh: mezhdru podlinnym i mnimym*. Moscow, pp. 24–40. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.31168/0402-2.2>
- Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. Москва : Новое лит. обозрение, 2023. 848 с. [Halfin I (2023) *Autobiography of Bolshevism: between salvation and fall*. Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russ.)].
- Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. Москва : Новое лит. обозрение, 2021. 424 с. [Hellbeck J (2021) *Revolution on my mind: writing a diary under Stalin*. Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russ.)].
- Ямпольский М. Б. Я – мы – они. Поэзия как антропология сообщества. Москва : Новое лит. обозрение, 2025. 248 с. [Yampol'skii MB (2025) *I – we – they. Poetry as an anthropology of community*. Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russ.)].
- Foolbrook M and Rublack U (2010) In relation: the “Social Self” and ego-documents. *German History* 28 (3): 263–272.
- Healey D (2020) The diary as source in Russian and Soviet history. *Reading Russian sources: a student's guide to text and visual sources from Russian history*. London, pp. 196–211.
- Matsui Y (2002) Soviet diary as a medium of communality and intersubjectivity: a study of a collective diary. *Ab Imperio* 3: 385–396.
- Smith S and Watson J (2001) *Reading autobiography: a guide for interpreting life narratives*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.
- Turton K (2020) Soviet autobiographies. *Reading Russian sources: a student's guide to text and visual sources from Russian history*. London, pp. 128–146.
- Zadirko E (2025) “This is not art but the most real life”: ideology, literature, and self-creation in a Soviet teenager's diary (1937–1941). *Slavic Review* 84 (1): 96–114. DOI: <https://doi.org/10.1017/slr.2025.10152>